

Л. 12.137

54 XIII

1916

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

Изд.-ред. В. С. МИРОЛЮБОВЪ.

№ 1

январь

ПЕТРОГРАДЪ
Серпуховская ул., д. 40
Тел. 617-61

Просимъ друзей-подписчиковъ способствовать распространенію
журнала.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Стихотворенія.

- 5 Невѣсты *Ив. Бунинъ.*
5 Я тишиною очарованъ *Александръ Блокъ.*
6 Полночь лунная тиха...—Ты можешь звѣздой покатиться...— Слушай
молитвы чужія... *Юрій Верховскій.*
7 Войну-ли пѣть или рыдать... *Иванъ Новиковъ.*
7 Тихій плачь *Леонидъ Астаховъ.*
8 Кучеръ ражій *Алексій Михайловъ.*
8 О самомъ себѣ *П. Оршинъ.*
97—98 Мама.—Положи мнѣ на сердце.—У гроба *М. Пожаровъ.*

II. Пьесы, повѣсти, рассказы.

- 9—66 Ложь. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ *В. Винниченко.*
67—92 Жажда сказки. Повѣсть *Л. Авилова.*
92—96 Полонянка. Рассказъ *Б. Верхоустинскій.*
98—104 Далекое. Рассказъ *С. Савинкова.*

III. Изъ жизни.

- 104—136 „За грибами, за ягодами“ *С. Подъячскъ.*

IV. По Россіи.

- 136—143 Веденей воинъ *П. Зулесъ.*

V. Вопросы нравственности.

- 144—150 О лжи *Питиримъ Сорокинъ.*
150—156 Или „Божки“, или—„все позволено!“ *Ефимъ.*

VI. Критика

- 156—180 Великое ожиданіе. (Обзоръ современной русской литературы) *В. Львовъ-Розачевскій.*

VII. Исторія.

- 180—206 Декабристы *Проф. А. А. Кизеветтеръ.*

VIII. Біографія. Характеристика.

- 206—218 „Слова Л. Н. Толстого“, записанныя В. Г. Чертковымъ *А. Черткова.*

IX. Жизнь деревни.

- 219—240 „Мірской человѣкъ“. Въ мірѣ крестьянской интеллигенціи *Сергій Масловъ.*

X. За границей.

- 241—256 Записки волонтера (1914—1915 г.г.) *Федотъ Олимпко *).*
256—276 Парламентъ и война. Письмо изъ Франціи *Е. Сталинскій.*

XI. Обзоръ внутренней жизни.

- 276—292 1914—1915 годъ въ русской общественной жизни *Евг. Маевскій.*

XII. Юбилеи.

- 292—306 Памяти Григорія Захаровича Елисеева *В. Евгеньевъ.*

XIII. Журналы.

- 306—310 Моральное босячество *А. Потресовъ.*

- 310—316 XIV. Новыя книги.

XV. Объявленія.

*) Депутатъ 1-ой Государственной Думы.—*Ред.*

Годъ III

Годъ III

Е Ж Е М Б С Я Ч Н Ы Й
ЖУРНАЛЪ

1916

№ 1

январь

Петроградъ
Серпуховская улица, д. 40.
Тел. 617—61.

ваніемъ для признанія его писаній устарѣлыми, не лишаетъ ихъ живого интереса. Вѣдь, тѣ явленія русской дѣйствительности, которымъ Елисеевъ давалъ истолкованіе, не отошли еще въ вѣчность; съ другой стороны, не получили еще осуществленія близкіе его сердцу идеалы соціального и экономическаго переустройства. Слѣдовательно, идеи и сужденія Елисеева еще не могли стать „исторіей“. Что же касается тѣхъ чувствъ, кипѣніе которыхъ явственно ощущается подъ наружно спокойнымъ тономъ елисеевскихъ статей, то эти чувства вообще никогда не старѣютъ. Не старѣетъ любовь къ человѣчеству, „особенно къ тому, которое мы привыкли считать за двуногихъ, не имѣющихъ съ нами ничего общаго“,—любовь, являющаяся

„вѣнцомъ истиннаго знанія и истинной мудрости“ (слова Елисеева изъ внутренняго обзорѣнія „Современника“, 1861 г., № 3), не старѣетъ ненависть къ тѣмъ, кто свои эгоистическіе интересы ставитъ превыше всего, игнорируя законныя стремленія массъ, стараясь заглушить ихъ тяжестью внѣшняго и внутренняго гнета; не старѣетъ, наконецъ, и жгучая скорбь о страданіяхъ народа, „чей стонъ раздается“ и теперь, какъ во времена Елисеева, не надъ одной только Волгой, но надъ всѣми рѣками и долинами необъятной русской земли. Душа Елисеева, со вмѣщавшая въ себѣ и эту любовь, и эту ненависть, и эту скорбь, была великой душой, предъ которой нельзя не преклониться.

В. Евгеньевъ.

Моральное босячество.

Есть „дѣйствія“ просто, характеризующія только ихъ авторовъ, и есть „дѣйствія“ симптоматическія, говорящія о чемъ-то, гораздо болѣе значительномъ, чѣмъ ихъ непосредственный творецъ: объ общественной средѣ, ихъ вскормившей, о почвѣ, на которой они пышно цвѣтутъ, питаются имъ нужными соками.

Вотъ о такомъ-то симптоматическомъ „дѣйствіи“ я и хочу довести до вниманія читателя. Я и хочу ему крикнуть предостерегающе: смотри, это дѣло живетъ и твоимъ попусценіемъ! Только потому, что ты спишь, что общественное мнѣніе демократіи Россіи похоже на огородное чучело, способное пугать лишь воронъ, только поэтому могло появиться на свѣтъ и то воистину недостойное „дѣйствіе“, которымъ только что дебютировалъ новый журналъ демократіи—„Лѣтопись“¹⁾.

Дебютировалъ въ моментъ величайшаго смятенія умовъ, какой когда-либо случалось пережить человѣчеству, когда пошатнулось такъ много устоевъ, когда столько идей, и вѣрованій, и надеждъ очутилось подъ вопросомъ, и столько вопросовъ еще ждетъ своего рѣшенія отъ общихъ усилій міровой демократіи, отъ упорной и пытливой работы ея коллективнаго ума, когда такъ нужно столкновеніе взглядовъ—изъ него, говорятъ, рождается истина—и такъ не нужно столкновеніе лицъ...

И вотъ въ этотъ-то, какъ никогда, отвѣтственный моментъ, который, казалось-бы, властно зоветъ демократію быть максимально осмотрительной въ своихъ взаимныхъ оцѣнкахъ и спорахъ,—журналъ, оснащенный именами марксистовъ и съ Горькимъ въ видѣ горделиво возвышающагося надъ журналомъ флагштока, по-звоняетъ себѣ—устаами анонима—характеризовать

основоположника русскаго марксизма, Плеханова,—какъ помѣсь изъ Фирса и Смердякова, изъ „прирожденнаго раба“ и готоваго къ измѣнѣ лукаваго наемника.

И за что?—За то, что Плехановъ не посмѣлъ вѣлѣдъ за частью російской интеллигенціи освободиться, какъ отъ излишняго балласта, отъ идеи отечества; что старый и заслуженный интернаціоналистъ посмѣлъ—вопреки интеллигентскому повѣтрію—остаться вѣрнымъ тому, что до сихъ поръ признавалось безспорнымъ интернаціональной, міровой демократіей, а именно,—что въ примѣненіи къ отечеству, какъ и ко всякой странѣ, такъ же законно приложимо понятіе необходимой самообороны, какъ и къ каждому отдѣльному лицу.

Плехановъ сказалъ:—„Я сочувствую своей родинѣ, когда она подвергается нападенію. Я не сочувствую ей, когда она нападаетъ“—и за это сталъ Фирсомъ, и за это сталъ Смердяковымъ!

Невѣроятно, но фактъ! Чудовишно, но—съ подлиннымъ вѣрно и чернымъ по бѣлому изложено на 5 страничкахъ того анонимаго посланія, отъ котораго чѣмъ сильнѣе редакція дѣлаетъ видъ, что отрещивается (она уже забаррикадировала себя примѣчаніемъ), тѣмъ явственнѣе изобличаетъ какъ моральную несостоятельность автора, такъ и собственную редакціонную... увертливость! Захотѣли лягнуть, но не рѣшились открыто, а заранѣе приготовили себѣ ту нору, куда можно безнаказанно юркнуть,—рыцари съ опущеннымъ забраломъ, герои экивоковъ и всякой оговорки!

Насъ не занимаютъ, однако, эти рыцари. Насъ интересуетъ и волнуетъ другое. Вѣдь, если они сдѣлали это, такъ сдѣлали только въ расчетѣ на публику, зная хорошо ту легкость, съ которой не только подъ перомъ отдѣльныхъ, не отдающихъ себѣ отчета, писателей, но и въ

¹⁾ См. „Лѣтопись“, декабрь 1915 г.: „Нужны-ли убѣжденія“ (Письмо въ редакцію).

мнѣніи широкихъ круговъ демократіи совершаются у насъ поистинѣ феерическія метаморфозы. Самые серьезные вопросы имѣютъ тенденцію превращаться—съ мѣста въ карьеръ—въ арену для травли, въ предлогъ для изничтоженія противника; и самыя гранитныя репутаціи—таютъ, какъ дымъ. Изъ князей въ грязь! вчера раболѣпствовали, кстати и некстати твердя—учитель сказалъ, чтобы тѣмъ сильнѣе сегодня заushать учителя, какъ тотъ сибирскій дикаръ, который то молится своему деревянному богу, то сѣчетъ его за неудовлетвореніе молитвъ...

У насъ нѣтъ традицій! У насъ нѣтъ культуры съ ея хранимыми цѣнностями! Мы нравственно голы, подобно тому босяку, котораго когда-то воспѣлъ нынѣшній покровитель „Лѣтописи“; вѣдь, это его—босяка—нигилизмъ справляетъ сейчасъ свой неистовый шабашъ въ демократіи, это ему—босяку—такъ привольно,—благо, всюду хаосъ,—размахнуться съ плеча и дать разомъ по шапкѣ... Плеханову, Гѣду, Вандервельде, Каутскому, всѣмъ, кто такъ или иначе, но не соответствуетъ его самоновѣйшему полету ума...

Съ начала войны я наблюдаю кругомъ—въ литературѣ и въ жизни—это даванье по шапкѣ...

Еще при первомъ извѣстіи о томъ, что Гѣдъ вступилъ въ министерство, я — помню — услышалъ безапелляціонное: измѣнникъ! Не то, что мы не вѣдаемъ всѣхъ обстоятельствъ, которые побудили Гѣда принять это важное рѣшеніе, и не то, что Гѣдъ могъ ошибиться; нѣтъ: неумимый фанатикъ-борецъ, который сорокъ лѣтъ сливался съ французскимъ движеніемъ и былъ его главнымъ новаторомъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ международной марксистской семьи, ригористъ съ аскетическимъ обликомъ, въ которомъ всегда просвѣчивалъ подвижникъ-апостоль, оказался, на старости лѣтъ, на седьмомъ десяткѣ, не то просто прельстился соблазнами власти, не то сталъ зауряднымъ шовинистомъ!

И еще вспоминаю: совѣщаніе-собраніе, — на этомъ совѣщаніи идетъ рѣчь объ извѣстномъ письмѣ Вандервельде и о томъ, какъ отвѣтить на это письмо. И встаетъ самый авторитетный изъ всѣхъ отвѣтственныхъ представителей пролетаріата Россіи и задается вопросомъ — да вмѣстѣ-ли намъ давать и вообще-то какой-либо отвѣтъ на запросъ, подобаешь-ли намъ вести разговоры — съ бельгійскимъ министромъ! И онъ — этотъ отвѣтственный представитель пролетаріата Россіи — говоритъ съ такимъ яснымъ челомъ, такъ увѣренъ въ своей собственной праведности, что мнѣ дѣлается не по себѣ, какъ-то жутко за грѣшника и мытаря — Эмиля Вандервельде: зачѣмъ въ страшныя для Бельгіи часъ не спросилъ онъ совѣта у россиянина, тотъ - бы его научилъ, что значить быть вѣрнымъ принципамъ!

и страницы зарубежныхъ писаній — не всѣ, но достаточно много, чтобы видѣть, какъ мелькаютъ у Ленина обиходный эпитетъ его публицистики, раздаваемый направо и налево — „ренегатъ“. Каутскій — презрѣнный ренегатъ! Ренегааты сплошь — всѣ вожди международного рабочаго движенія, и кажется мнѣ, это тѣмъ безумца витаетъ надъ нами, который жалѣлъ, что у человечества не одна голова: такъ было-бы удобно его обезглавить!.. Впрочемъ, Ленинъ не въ счетъ, хотя Ленинъ и самая типичная фигура для русскаго морального босячества...

Но и у болѣе добросовѣстныхъ и вдумчавыхъ представителей зарубежнаго марксизма проступаетъ третируваніе Каутскаго: подъ ихъ перомъ создатель Эрфуртской программы, вдохновитель Бебеля, самая ясная голова и самый пронацательный тактикъ мірового движенія превращается въ умѣреннаго и аккуратнаго нѣмецкаго педанта, на котораго истинно-передовой російскій гражданинъ міра можетъ позволить себѣ глядѣть сверху внизъ — съ обиднымъ сожалѣніемъ!

Я не коллекционировалъ факты. Я просто бралъ то, что случайно отгравировалось въ извилинахъ памяти — изъ этого хаоса моральной безответственности. Я только хотѣлъ немногими штрихами обрисовать читателю тотъ общественно-психологическій фонъ, на которомъ становится настолько естественнымъ любое босяцкое „дѣйство“, что удивляться приходится не тому, что Плехановъ сразу попалъ въ Смердяковы, а скорѣе тому, что редакція „Лѣтописи“ еще все же почему-то стѣсняется. Зачѣмъ анонимность, зачѣмъ оговорки, когда кругомъ такъ много открытой „работы“ босячества, и почему Плеханову составлять исключеніе изъ того разгрома, который чинится сейчасъ столь многими демократическими кругами Россіи всѣмъ идейно-политическимъ цѣнностямъ мірового движенія. За одно швырнемъ за бортъ и Плеханова: и нашу огромную русскую цѣнность, единственное въ своемъ родѣ выраженіе той идейной революціи, которую когда-то пережила демократія Россіи и которая до сихъ поръ еще далеко не изжитая.

Читатель! вѣдь, въ томъ-то и ужасъ босячества, что оно, опустошая движеніе демократіи морально, опустошаетъ его и идейно; что, топча въ грязь его прошлое, оно тѣмъ самымъ не только принижаетъ его настоящее, но и душитъ въ зародышѣ будущее. Оно мѣшаетъ идти движенію впередъ, оно мѣшаетъ ему преодолѣть все то, что надо ему преодолѣть, чтобы сдѣлать дѣйствительный шагъ въ своемъ наступательномъ ходѣ.

Смѣшно и говорить: я не проповѣдникъ неприкосновенности авторитетовъ, я не сторонникъ наложенія табу на слова и дѣла Плеханова. Могу сказать по совѣсти — за послѣдніе годы я былъ — въ рядахъ социаль-демократіи — однимъ изъ наиболѣе ненавидимыхъ Плехановымъ про-

противъ Плеханова—противъ его, съ моей точки зрѣнія, неправильныхъ взглядовъ и неправомѣрныхъ поступковъ. Я и сейчасъ не подпишусь подъ всѣмъ, что сказано Плехановымъ за время войны: думаю, многое объясняется тѣмъ, что Плехановъ живетъ въ своемъ „прекрасномъ далекѣ“, и часто эта даль не даетъ ему брать ту вѣрную ноту, которая удесятерила-бы всѣхъ его словъ для Россіи.

Но, многолѣтній антагонистъ Плеханова, я съ тѣмъ большимъ правомъ теперь даю волю своему протестующему чувству,—тому чувству омерзѣнія, которое охватываетъ меня при видѣ того, какъ законная борьба противъ взглядовъ Плеханова замѣняется беззаконнымъ ея суррогатомъ, и какъ имя его, не угодившаго толпѣ своимъ „особымъ мнѣніемъ“,—которое, однако, совсѣмъ не особое мнѣніе въ мировой демократіи,—волочится въ пыли по всей литературѣ и по всѣмъ градамъ и вѣсямъ эмиграціи. Теперь, наконецъ, приволокли это имя и въ „Лѣтопись“, налѣпивъ на него „Смердякова“.

И я сильно опасуюсь, какъ бы „Смердяковъ“ не оказался эмблематическимъ для всей той полосы, въ которую сейчасъ вступаетъ демократія Россіи. Какъ бы гнусная фигура его не прикрыла собою всѣ тѣ, дѣйствительно, большія проблемы, которыя стоятъ въ настоящее время передъ демократіей Россіи, какъ и передъ демократіей Европы и цѣлаго міра. Вѣдь, не случайно, что ихъ—этихъ проблемъ—было-бы

напрасно искать въ статейкѣ анонима „Лѣтописи“. Въ статьѣ достаточно скверности, но нѣтъ совсѣмъ матеріала для спора по существу. Ибо не матеріаль же жалкій и мнѣнщій сеяно столь язвительнымъ риторической вопросъ анонима о томъ, что есть война оборонительная и что есть наступательная. И не матеріаль—то представленіе автора о патриотизмѣ (безразлично, пролетарскомъ или другомъ), не какъ о сознательномъ, вольномъ, дѣйственномъ, творческомъ чувствѣ, а лишь какъ о рабьей зависимости отъ темныхъ инстинктовъ. Эту концепцію патриотизма достаточно зарегистрировать, чтобы ею запечатлѣть ея автора. И не съ нею въ связи пристало говорить о патриотизмѣ и развивать свою собственную точку зрѣнія¹⁾...

Когда-то говорили, предупреждая объ опасности: Ганнибалъ у воротъ! Я же скажу демократіи: „Смердяковъ у воротъ!“ Онъ преграждаетъ ей путь къ возрожденію,—къ возрожденію въ дѣйствіи. Ей надо побороть въ себѣ „Смердякова“—босаяцкій нигилизмъ, моральное безразличіе, чтобы завоевать себѣ это возрожденіе, чтобы имѣть силы подъять на свои рамена великое бремя русской исторіи. Мой протестъ протиктованъ тревогой, какъ бы ей—демократіи—не остался у насъ навсегда въ положеніи той евангельской дѣвы, которая проспала жениха.

Моральное босячество мститъ за себя...

А. Потресовъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Несторъ Котляревскій. Канунъ освобожденія. (1855—1861). Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Петроградъ. Тип. М. М. Стасюлевича. Ц. 2 р. 75 коп.

Новая книга Н. А. Котляревскаго состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, часть которыхъ печаталась въ „Вѣстникѣ Европы“. Во вступительной главѣ авторъ разсматриваетъ „эпоху реформъ въ освѣщеніи нашего времени“, т. е. въ ея связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ развитіемъ русской общественности, уясняетъ громадное значеніе этой эпохи, какъ первой ступени въ развитіи *самостоятельнаго* общественного движенія въ Россіи и совершенно опредѣленно возлагаетъ отвѣтственность за „неудачи“ въ проведеніи реформъ и позднѣйшія тяжкія злоключенія русской гражданственности на правительственные круги. Авторъ нѣсколько разъ опредѣленно подчеркиваетъ, что правительство поставило себѣ неразрѣшимую задачу, пытаясь соединить „внѣшнія“ уступки обществу (реформы) съ сохраненіемъ въ полной неприкосновенности самаго *духа* управленія, какъ подозрительной опеки надъ общественной самостоятельностью. Благодаря этому реформы 60-хъ годовъ оказались „великими“, „позамыслу“, но не „по исполненію“ и съ самаго начала исказились, затормозились. Обозрѣвая въ дальнѣйшихъ главахъ „общественную мысль 1855—1861 годовъ въ ея развитіяхъ“, Н. А. Котляревскій опредѣленно устанавливаетъ, что правильная оцѣнка соотношенія общественныхъ силъ была дана въ тѣ годы не славянофилами и не западниками-либералами, а именно „крайними“, „радикалами“, „молодой“ партией 60-хъ годовъ: эти круги раньше всѣхъ поняли и взвѣсили опасность,

угрожавшую обновленію родины, и дѣятельнѣе всѣхъ боролись съ этой опасностью, посвятивъ всѣ свои силы защитѣ общественной самостоятельности, какъ руководящаго начала жизни. Содержание книги и сводится къ характеристикѣ мировоззренія и дѣятельности этихъ „радикальныхъ“ круговъ въ *первый періодъ* царствованія Александра II, закончившійся первой „великой реформой“, освобожденіемъ крестьянъ, такъ рѣшительно положившимъ грань между старой и новой Россіей. Это періодъ зарожденія, образования, строительства „радикальныхъ“ кружковъ, періодъ „наканунѣ“. Обыкновенно въ изложеніи исторіи русской общественности и литературы своеобразная законченность этого періода мало принимается во вниманіе и „шестидесятые“ годы разсматриваются, какъ нѣчто единое. Книга Н. А. Котляревскаго—интересный опытъ разсмотрѣнія этой напряженной эпохи въ жизни русской интеллигенціи отдѣльно, во всемъ ея своеобразіи. Однако, этотъ пріемъ имѣетъ и свои недостатки: авторъ нѣсколько преувеличиваетъ особенности эпохи и злоупотребляетъ ея противопоставленіемъ „шестидесятымъ годамъ“ въ тѣсномъ смыслѣ. По общимъ своимъ литературнымъ и общественнымъ симпатіямъ, Н. А. Котляревскій не склоненъ относиться положительно къ „радикаламъ“ 60-хъ годовъ, ему скорѣе, слѣдовало-бы ожидать, будутъ ближе „отцы“, либералы 40-хъ годовъ. Предыдущіе труды Н. А. Котляревскаго запечатлѣны

¹⁾ Желающихъ ознакомиться съ моей точкой зрѣнія на вопросъ я отсылаю къ статьѣ моей „О патриотизмѣ и о международности“, появившейся въ только что вышедшемъ сб орникѣ „Самозащита“.